

# Переполох — эпизод 1 из 3

Машенька Павлецкая, молоденькая, едва только кончившая курс институтка, вернувшись с прогулки в дом Кушкиных, где она жила в гувернантках, застала необыкновенный переполох. Отворявший ей швейцар Михайло был взволнован и красен, как рак.

Сверху доносился шум.

Вероятно, с хозяйкой припадок... подумала Машенька, или с мужем поссорилась...

В передней и в коридоре встретила она горничных. Одна горничная плакала.

Затем Машенька видела, как из дверей ее комнаты выбежал сам хозяин

Николай Сергеич, маленький, еще не старый человек с обрюзгшим лицом и с большой плешью. Он был красен. Его передергивало... Не замечая

гувернантки, он прошел мимо нее и, поднимая вверх руки, воскликнул:

О, как это ужасно! Как бестактно! Как глупо, дико! Мерзко!

Машенька вошла в свою комнату, и тут ей в первый раз в жизни пришлось

испытать во всей остроте чувство, которое так знакомо людям зависимым,

безответным, живущим на хлебах у богатых и знатных. В ее комнате делали

обыск. Хозяйка Федосья Васильевна, полная, плечистая дама с густыми черными бровями, простоволосая и угловатая, с едва заметными усиками и с

красными руками, лицом и манерами похожая на простую бабу-кухарку,

стояла у ее стола и вкладывала обратно в рабочую сумку клубки шерсти,

лоскутки, бумажки... Очевидно, появление гувернантки было для нее

неожиданно, так как, оглянувшись и увидев ее бледное, удивленное лицо, она

слегка смутилась и пробормотала:

Pardon<sup>1</sup>, я... я нечаянно рассыпала... зацепила рукавом...

И, сказав еще что-то, мадам Кушкина зашуршала шлейфом и вышла.

Машенька обвела удивленными глазами свою комнату и, ничего не понимая,

не зная, что думать, пожала плечами, похолодела от страха... Что Федосья

Васильевна искала в ее сумке? Если действительно, как она говорит, она

нечаянно зацепила рукавом и рассыпала, то зачем же выскочил из комнаты

такой красный и взволнованный Николай Сергеич? Зачем у стола слегка

выдвинут один ящик? Копилка, в которую гувернантка прятала гривенники и

старые марки, была отперта. Ее отперли, но запереть не сумели, хотя и

исцарапали весь замок. Этажерка с книгами, поверхность стола, постель всё

носило на себе свежие следы обыска. И в корзине с бельем тоже. Белье было

сложено аккуратно, но не в том порядке, в каком оставила его Машенька,

уходя из дому. Обыск, значит, был настоящий, самый настоящий, но к чему

он, зачем? Что случилось? Машенька вспомнила волнение швейцара, переполох, который всё еще продолжался, заплаканную горничную; не имело ли всё это связи с только что бывшим у нее обыском? Не замешана ли она в каком-нибудь страшном деле? Машенька побледнела и вся холодная опустила на корзину с бельем.

В комнату вошла горничная.

Лиза, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? спросила у нее гувернантка.

У барыни пропала брошка в две тысячи... сказала Лиза.

Да, но зачем же меня обыскивать?

Всех, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали... Нас раздевали всех догола и обыскивали... А я, барышня, вот как перед богом... Не то чтоб ихнюю брошку, но даже к туалету близко не подходила. Я и в полиции то же скажу. Но... зачем же меня обыскивать? продолжала недоумевать гувернантка.

Брошку, говорю, украли... Барыня сама своими руками всё обшарила. Даже швейцара Михайлу сами обыскивали. Чистый срам! Николай Сергеич только глядит да кудахчет, как курица. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У вас ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, так вам и бояться нечего.

Но ведь это, Лиза, низко... оскорбительно! сказала Машенька, задыхаясь от негодования. Ведь это подлость, низость! Какое она имела право подозревать меня и рыться в моих вещах?

В чужих людях живете, барышня, вздохнула Лиза. Хотя вы и барышня, а всё же... как бы прислуга... Это не то, что у папашы с мамашей жить...

Машенька повалилась в постель и горько зарыдала. Никогда еще над нею не совершали такого насилия, никогда еще ее так глубоко не оскорбляли, как теперь... Ее, благовоспитанную, чувствительную девицу, дочь учителя, заподозрили в воровстве, обыскали, как уличную женщину! Выше такого оскорбления, кажется, и придумать нельзя. И к этому чувству обиды присоединился еще тяжелый страх: что теперь будет!? В голову ее полезли всякие несообразности. Если ее могли заподозрить в воровстве, то, значит, могут теперь арестовать, раздеть догола и обыскать, дотом вести под конвоем по улице, засадить в темную, холодную камеру с мышами и мокрицами, точь-в-точь в такую, в какой сидела княжна Тараканова. Кто вступится за нее?